

Секция «Политические науки»

Понятие «общечеловеческое» в социально-политическом дискурсе XIX века

Томей Лидия Игоревна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет

политологии, Москва, Россия

E-mail: prokarovi4@rambler.ru

Для того чтобы говорить об «общечеловеческом», мы должны понять, что это такое. Здесь важно отметить, что в западных языках нет понятия «общечеловеческого» как такового, но есть понятия «универсальное» (universal –англ.яз.), «человеческое», «общее для всех» (humain, commun à tous - франц.яз), «для всего человечества» (de la humanidad – испан.яз.). Вполне возможно, что в силу преобладания индивидуалистического начала, европейцам не нужно было слово, обозначающее некую всеохватываемость. Сразу необходимо заметить общую ошибку в определении концепта «общечеловеческое». Она существует из-за подмены понятий: когда мы, говоря «общечеловеческое», подразумеваем «европейское». Говоря о XIX веке, конечно, не нужно абсолютизировать взгляды славянофилов и винить Петра I в том, что он прорубил слишком широкое окно в Европу, что привело к повсеместному подражанию, слепому копированию идей и образа жизни европейцев. Чтобы быть объективными в этом вопросе, следует признать, что с определённого этапа мировой истории Европа занимает лидирующие позиции, поэтому многие приняли на веру то, что плоды её культуры носят универсальный и общеобязательный характер, а отсюда и общечеловеческий. И в этом смысле вполне понятно, откуда прорастают корни этой ошибки. Однако современные исследователи трактуют общечеловеческое как понятие, отражающее содержание, не связанное непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией. Наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, оно воспроизводится в любом типе культуры[1]. Однако, чтобы прийти к такому определению, была проделана огромная работа выдающимися умами России XIX века.

Наглядным примером понимания *общечеловеческого* в то время является Пушкинская речь видного писателя и философа Фёдора Михайловича Достоевского, которую он произнес 8 июня 1880 года заседании Общества любителей российской словесности. Ф.М. Достоевский считал, что русский народ вправе претендовать на всечеловеческое значение: «русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»[2]. Эту речь, которую И.С. Аксаков назвал «событием», Достоевский решил включить в свой «Дневник писателя» за август 1880 года, предвосхитив её комментариями, где описывал эффект, который речь оказала, а также пояснял, в чём состоит «событийность» выступления на заседании Общества любителей российской словесности. Итак, событие это заключалось в том, «что славянофилами, или так называемой русской партией (Боже у нас есть «русская партия!»), сделан был огромный и окончательный, может быть, шаг к примирению с западниками; ибо славянофилы заявили всю законность стремления западников в Европу, всю законность

даже самых крайних увлечений и выводов их и объяснили эту законность чисто русским народным стремлением нашим, совпадаемым с самим духом народным»[3]. В своей речи о Пушкине Достоевский заявляет, что великий поэт представляет собой всю квинтэссенцию русского духа, русского человека, что, кроме прочего, если «не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимой силой (в какой это явилось потом, хотя все еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов»[4]. Тончайшая всепроницательность, всечеловечность Пушкина, как примера общечеловеческой ценности, всеобщего достояния, заключается в том, что он мог отразить национальный характер каждого народа так (или даже лучше), как если бы его изображал аутентичный национальный художник слова или кисти, и в этом ему помогали народное сострадание, отзывчивость и чуткость, способность распознать саму природу национального духа. «Он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?»[5]. Подкрепляя мысль К.С. Аксакова, Достоевский говорит, что Пушкин, став народным поэтом, прикоснувшись к силе народной, только тогда и ощутил грядущее значение русского народа, его тягу к всемирности и непреодолимую судьбу стать гражданами общечеловеческого. Таким образом, у Достоевского, как яркого представителя своей эпохи, такое понятие как общечеловеческое неразрывно связано и слито в единое целое с понятием национальное, поэтому он и считал, что значение у русского народа не только общеевропейское, но всемирное: «<...> ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено»[6].

Нельзя оставить без внимания и точку зрения русского историософа, естествоиспытателя и публициста Н.Я. Данилевского, разработавшего оригинальную по меркам своего века концепцию культурно-исторических типов (цивилизаций). Данилевский один из немногих в то время, кто отмечает, что существует проблема понимания понятия «общечеловеческое», что многие образованные люди путают его с "европейским или, как сам он пишет «германо-романским». «Общечеловеческим гением считается такой человек, который силою своего духа успевает вырваться из пут национальности и вывести себя и своих современников (в какой бы то ни было категории деятельности) в сферу общечеловеческого»[7]. А у нас в России, как уже отмечалось выше, «под общечеловеческим же разумели то, что так широко развивалось на Западе, в противоположность узконациональному русскому, т. е. германо-романское, или европейское»[8]. Примечательно, что в самом начале своего рассуждения о том, в каком отношении находятся общечеловеческое и национальное, Н.Я. Данилевский сравнивает проявление общечеловеческого с живой природой. Для него общечеловеческое – это наивысшее проявление качеств данного вида. Но человек, например, как животное разве есть проявление апогея "животности"? Конечно, нет, ведь из всех животных человек – самое несовершенное, даже создав себе специальные механизмы, человек не в силах соревноваться с совершенством природы. Человек лишь совершенен в том, что ему дан разум,

позволяющий соединить его с духом, чтобы преодолеть и контролировать животность и создать механические средства защиты и адаптации. Тогда может быть возраст послужит для нас критерием? Но и здесь ответ нет, т.к. на каждом этапе своей жизни человек проявляет совершенство различных своих граней. Так же происходит и с общечеловеческим, по Данилевскому. Нет абсолюта в этом смысле. Каждый народ в каждое время есть безусловное направление общечеловеческого, существуя и развиваясь вместе, параллельно или последовательно, каждый вносит свой вклад, каждый народ выбивает своё имя на скрижалях истории. «Для коллективного же и все-таки конечного существа – человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме одновременного и разноместного (т. е. разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе развития»[9]. Данилевский утверждает, что Европу смешивают с общечеловеческим ввиду цивилизационного развития, как защитный фактор для самосохранения иссякающего Старого Света. Цивилизация всегда стремится разрушить специальные формы зависимости, которые отделяют её этнографическую ступень от государственной, считает естествоиспытатель. Но всё же все эти формы (как зависимости в лице «национального», так и свободы в лице «общечеловеческого») обуславливают друг друга. Оригинальным оказывается и вывод Данилевского из его рассуждения: «Общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им — значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности, одним словом, довольствоваться невозможной неполнотой. Иное дело — всечеловеческое, которое надо отличать от общечеловеческого; оно, без сомнения, выше всякого отдельно человеческого, или народного; но оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности; действительность его может быть только разноместная и одновременная»[10]. И далее, рисуя образ большого города-всечеловечества, учёный пишет о том, что необходимо строить свою улицу, по своему оригинальному плану, а не теснится на чужих пространствах и сбиваться в кучу на общей площади, тем самым наполнив город разнообразием и разноликостью жизнью.

Литература

- 1 См.: Социология: Энциклопедия. / Сост. Абушенко В.Л., Грицанов А.А., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В.. - Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 634.
- 2 Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 699.
- 3 Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 701 – 702.
- 4 Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010.С. 718.

- 5 Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 721.
- 6 Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 723.
- 7 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. В. Репников, М. А. Емельянов-Лукьянчиков]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 138.
- 8 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. В. Репников, М. А. Емельянов-Лукьянчиков]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 139.
- 9 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. В. Репников, М. А. Емельянов-Лукьянчиков]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 143.
- 10 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. В. Репников, М. А. Емельянов-Лукьянчиков]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 147.